

О, КАК еще было далеко до звания народного поэта Литвы, до значков лауреата республиканской премии, до громовых аплодисментов в театрах Вильнюса, Риги, Клайпеды, когда даже выдавшие виды билетерши восторженно и благодарно вместе со всеми скандировали на премьерах: «Автор!».

Как тогда, в пятидесятом, было еще далеко до книг, изданных огромными тиражами не только в Литовской ССР, но и в других братских республиках и зарубежных странах, до поездок на представительные фестивали во Францию и Югославию, до монографии о его поэтических драмах, до фильма, посвященного его нелегкому и счастливому творческому пути!..

Тогда, в пятидесятом, были Вильнюсский университет, первый курс филологического факультета, скромный комсомольский значок и первые стихи в огромной, чуть ли не во всю стену, факультетской газете о самом главном — земле-кормилице, о цене хлеба, об отце-пахаре, звонкие стихи, под которыми самодеятельный художник с тщанием друга и радостью первооткрывателя крупно — чтобы запомнили надолго! — вывел исконно литературную в Литве фамилию Марцинкявичюс и благозвучное, по-крестьянски полновесное имя Юстинас.

Юстинас Марцинкявичюс...

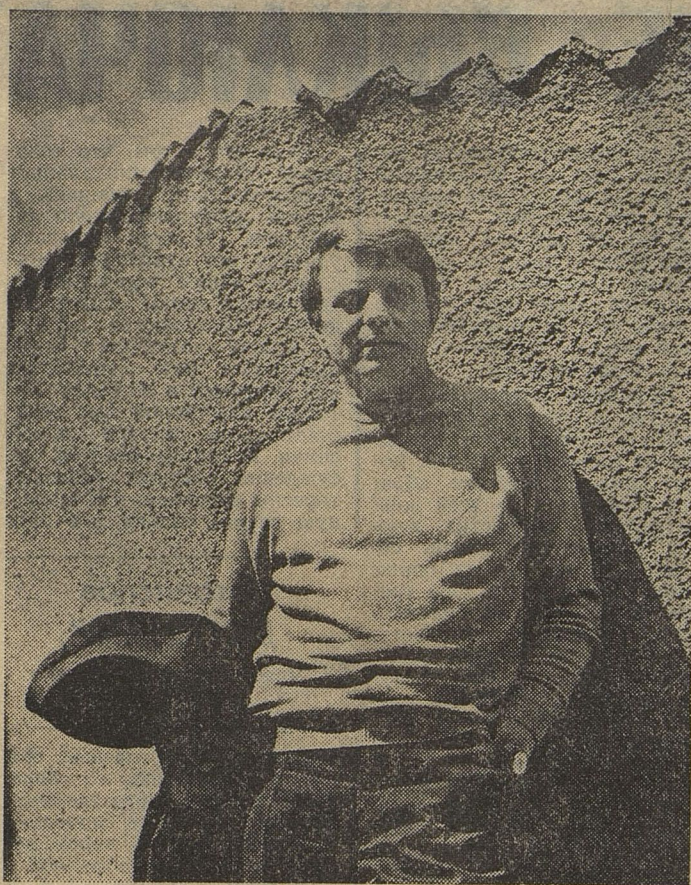
Прошло более тридцати лет, но я до сих пор помню, как предстали мы, вчерашние студенты Вильнюсского университета, новобранцы Литовской писательской организации, пред ясные и добрые очи ее тогдашнего руководителя Ионаса Шимкуса, замечательного человека, крестного отца многих молодых поэтов и прозаиков, угдавшего каким-то безошибочным, одному ему присущим чутьем в стройном, светловолосом и по-девичьи застенчивом Марцинкявичюсе незаурядного мастера и назвавшего первый его сборник стихов «Прошу слова» жемчужиной литовской поэзии.

Другому такая похвала, пожалуй, вскружила бы голову. Но Марцинкявичюс с самого начала его творческой деятельности — именно деятельности! — отличали завидная, не по возрасту стойкая требовательность к себе и трезвость самооценки. Молодой Марцинкявичюс не давал себе поблажек ни в чем — ни в творчестве, ни в повседневной жизни. События, простые, житейские соблазны только закаляли его волю.

Самым сильным и неодолимым соблазном для него был (и, к счастью, остался) труд — каждодневный и изнурительный. Сын крестьянина, с детства хорошо познавший, что такое работа от зари до зари, он перенял у земледельцев их лучшие качества — трудолюбие и выдержку, основательность и немногословность.

Он начинал в трудное и яркое время, и название его первого сборника стихов «Прошу слова» стало как бы визитной карточкой целого поколения детей войны, опаленных ее огненным дыханием и повернутых лицом к трагическим событиям века. В нем, в том названии, слышалась не столько юношеская робость, сколько осознанная мужская решимость.

Поэт, попросивший слова не у своих собратьев по пе-

люди искусства

ПРОШУ СЛОВА

Григорийс КАНОВИЧЮС

ру, не у строгих издателей, а у своей страны и времени, должен был ограничить его до блеска, овладеть им в совершенстве. Он должен был закалить его в горниле жизни, испытать на прочность и долговечность.

Но время требовало не только новых, нерасхожих слов, но и широкого, непредвзятого взгляда на явления действительности.

И Юстинас Марцинкявичюс, не пада себя, работал над своим писательским и человеческим образованием, не отделяя их друг от друга, не противопоставляя, а воспринимая в обязательном и нерасторжимом единстве. Он знал: и благодатное поле надо удобрять и пестовать, иначе оно истощится и захиреет. Разве литература — не то же поле? Пашешь и сеешь один, а убирают все. Надо глубже пахать и лучше сеять.

Он упрямо и неутомимо учился, осваивал опыт литовской и русской классики, достижения мировой литературы (его поэмы и драматическая трилогия «Мажвидас», «Миндаугас», «Собор» родились не на пустом месте). Духовный рост его поразителен.

Когда я переводил на русский язык сценический вариант поэмы «Двадцатая весна», Юстинас мне рассказывал, как он из родной деревни в мороз и в весеннюю распутицу топал в небольшой литовский городок Пренай, в школу. До сих пор у меня в ушах звучит его интонация: так говорят о чем-то сокровенном и незабываемом. И вечно живом...

Не рискуя впасть в преувеличение, могу сказать: те

пять-шесть верст были самыми важными и определяющими в его жизни и творчестве. Там, на том отрезке от порога родной избы до крыльца школы в городке над Неманом, вызрели его любовь и ненависть, его удивительный щемящий лиризм, его умение, не забыв и не предав родной тропинки, выйти на широкие космические дороги.

У него удивительная способность сопрягать времена и эпохи. Он мастер крупных и сложных полотен, глубоких и содержательных стихов, масштабных и неканонических поэм, ярких и торжественных драм, где «дышит почва и судьба» и переливается, бугрится, застывает и снова плавится магла роковых человеческих страстей, но начисто отсутствуют контуры и ходули. Во всем, даже в своей прозе (в «Сосне, которая смеялась», в «Дневнике без дат») Марцинкявичюс прежде всего поэт. В его произведениях множество метких и тонких бытовых деталей, описаний, зарисовок, штрихов. Но они не являются для него самоцелью, он не любит ими, не тычет в них пальцем: смотрите, дескать, как похоже на всамделишную жизнь. Был служит для него стартовой площадкой, откуда его мысль воспаряет в космос поэтических обобщений, емких и многомерных метафор. На каких страшных в своей житейской правдивости дрожжах выросла его прекрасная поэма «Кровь и пепел» — подлинный шедевр многонациональной советской литературы. Какая в ней сокрыта сила правды, правды самого факта уничтожения фашистами всех жителей литовской

деревни Пирчюпис! Но Марцинкявичюс не довольствуется скрупулезным воспроизведением самого события, он не восстанавливает, не реставрирует его, а пытается осмыслить в более широком современном контексте, подключить к более универсальной системе ценностей, к главной теме своего творчества — теме свободы и независимости, борьбы добра и зла, принимающих в каждую эпоху, как и в каждом произведении, свое конкретное и неповторимое обличье (вспомните Белого и Черного летописца в «Миндаугасе»), но никогда не уступающих друг другу, даже если зло насильно объявляется добродетелью и насаждается такими бесчеловечными методами, какие практиковали фашисты.

Оставаясь глубоко национальными, лучшие произведения Юстинаса Марцинкявичюса интернациональны по самой своей сути, по своему высокому гуманистическому пафосу, по своей демократической структуре, доступной и русскому, и армянину, и латышу, и украинцу. Недаром они пользуются таким огромным успехом не только у читателей, но и у зрителей нашей страны. Я уже не говорю о его драмах-поэмах, специально написанных для сцены. «Падающие звезды», «Стена», «Публицистическая поэма», «Прометей» — вот далеко не полный перечень стихов и поэм Марцинкявичюса, обретших новую жизнь на подмостках. Постановки почти всех его драм-поэм — «Мажвидас», «Миндаугас», «Собор» (режиссеры Г. Ванцявичюс и П. Гайдис), «Стены» (режиссер А. Линьня) стали событием.

По моему, драмы-поэмы Марцинкявичюса не могут быть исчерпаны одной, даже удачной, постановкой. Они относятся к разряду тех редких, написанных нашими современниками произведений, которые предполагают разное сценическое решение. Драматургия Марцинкявичюса, кажущаяся неприхотливой, традиционной, лишенной вроде бы загадок, на самом деле представляет серьезные трудности для сценического воплощения, если иметь в виду не внешний, «шекспировский» ее ряд, а ее внутреннюю пружину, ее сердцевину, которую не так-то просто обнажить без того, чтобы не обеднить ее смысл и не упростить ее проблематику. Ничуть не умаляя достижения режиссеров, ставивших и ставящих Марцинкявичюса, я тем не менее осмеливаюсь утверждать, что выдающийся поэт-драматург ждет еще новых своих выдающихся интерпретаторов.

Недавно Юстинас Марцинкявичюс отдал на суд своих многочисленных почитателей два новых произведения: эссе «Дневник без дат» и драму «Икар». Вместе с ранее написанной поэмой «Прометей», она составила основу нового спектакля Академического театра драмы Литовской ССР (режиссер Г. Ванцявичюс).

Покорный Стасис Красаускас, большой друг Марцинкявичюса, иллюстратор его книг, прекрасный, между прочим, карикатурист, долго бился над шаржем Юстинаса, пока не сдался.

— Понимаешь, — сказал он мне, — ничего не получается. Какой шарж, если человек состоит из одних достоинств!

● Ю. Марцинкявичюс.

Фото Ю. Грикениса.

О, КАК еще было далеко до звания народного поэта Литвы, до значков лауреата республиканской премии, до громовых аплодисментов в театрах Вильнюса, Риги, Клайпеды, когда даже выдавшие виды билетерши восторженно и благодарно вместе со всеми скандировали на премьерах: «Автор!».

Как тогда, в пятидесятом, было еще далеко до книг, изданных огромными тиражами не только в Литовской ССР, но и в других братских республиках и зарубежных странах, до поездок на представительные фестивали во Францию и Югославию, до монографии о его поэтических драмах, до фильма, посвященного его нелегкому и счастливому творческому пути!..

Тогда, в пятидесятом, были Вильнюсский университет, первый курс филологического факультета, скромный комсомольский значок и первые стихи в огромной, чуть ли не во всю стену, факультетской газете о самом главном — земле-кормилице, о цене хлеба, об отце-пахаре, звонкие стихи, под которыми самодеятельный художник с тщанием друга и радостью первооткрывателя крупно — чтобы запомнили надолго! — вывел исконно литературную в Литве фамилию Марцинкявичюс и благозвучное, по-крестьянски полновесное имя Юстинас.

Юстинас Марцинкявичюс...

Прошло более тридцати лет, но я до сих пор помню, как предстали мы, вчерашние студенты Вильнюсского университета, новобранцы Литовской писательской организации, пред ясные и добрые очи ее тогдашнего руководителя Ионаса Шимкуса, замечательного человека, крестного отца многих молодых поэтов и прозаиков, угдавшего каким-то безошибочным, одному ему присущим чутьем в стройном, светловолосом и по-девичьи застенчивом Марцинкявичюсе незаурядного мастера и назвавшего первый его сборник стихов «Прошу слова» жемчужиной литовской поэзии.

Другому такая похвала, пожалуй, вскружила бы голову. Но Марцинкявичюс с самого начала его творческой деятельности — именно деятельности! — отличали завидная, не по возрасту стойкая требовательность к себе и трезвость самооценки. Молодой Марцинкявичюс не давал себе поблажек ни в чем — ни в творчестве, ни в повседневной жизни. Сובлазны, простые, житейские соблазны только закаляли его волю.

Самым сильным и неодолимым соблазном для него был (и, к счастью, остался) труд — каждодневный и изнурительный. Сын крестьянина, с детства хорошо познавший, что такое работа от зари до зари, он перенял у земледельцев их лучшие качества — трудолюбие и выдержку, основательность и немногословность.

Он начинал в трудное и яркое время, и название его первого сборника стихов «Прошу слова» стало как бы визитной карточкой целого поколения детей войны, опаленных ее огненным дыханием и повернутых лицом к трагическим событиям века. В нем, в том названии, слышалась не столько юношеская робость, сколько осознанная мужская решимость. Поэт, попросивший слова не у своих собратьев по пе-

люди искусства

ПРОШУ СЛОВА

Григорийс КАНОВИЧЮС

ру, не у строгих издателей, а у своей страны и времени, должен был ограничить его до блеска, овладеть им в совершенстве. Он должен был закалить его в горниле жизни, испытать на прочность и долговечность.

Но время требовало не только новых, нерасхожих слов, но и широкого, непредвзятого взгляда на явления действительности.

И Юстинас Марцинкявичюс, не щадя себя, работал над своим писательским и человеческим образованием, не отделяя их друг от друга, не противопоставляя, а воспринимая в обязательном и нерасторжимом единстве. Он знал: и благодатное поле надо удобрять и пестовать, иначе оно истощится и захиреет. Разве литература — не то же поле? Пашешь и сеешь один, а убирают все. Надо глубже пахать и лучше сеять.

Он упрямо и неутомимо учился, осваивал опыт литовской и русской классики, достижения мировой литературы (его поэмы и драматическая трилогия «Мажвидас», «Миндаугас», «Собор» родились не на пустом месте). Духовный рост его поразителен.

Когда я переводил на русский язык сценический вариант поэмы «Двадцатая весна», Юстинас мне рассказывал, как он из родной деревни в мороз и в весеннюю распутицу топал в небольшой литовский городок Пренай, в школу. До сих пор у меня в ушах звучит его интонация: так говорят о чем-то сокровенном и незабываемом. И вечно живом...

Не рискуя впасть в преувеличение, могу сказать: те

пять-шесть верст были самыми важными и определяющими в его жизни и творчестве. Там, на том отрезке от порога родной избы до крыльца школы в городке над Неманом, вызрели его любовь и ненависть, его удивительный щемящий лиризм, его умение, не забыв и не предав родной тропинки, выйти на широкие космические дороги.

У него удивительная способность сопрягать времена и эпохи. Он мастер крупных и сложных полотен, глубоких и содержательных стихов, масштабных и неканонических поэм, ярких и торжественных драм, где «дышит почва и судьба» и переливается, бугрится, застывает и снова плавится магма роковых человеческих страстей, но начисто отсутствуют контуры и ходули. Во всем, даже в своей прозе (в «Сосне, которая смеялась», в «Дневнике без дат») Марцинкявичюс прежде всего поэт. В его произведениях множество метких и тонких бытовых деталей, описаний, зарисовок, штрихов. Но они не являются для него самоцелью, он не любит ими, не тычет в них пальцем: смотрите, дескать, как похоже на всамделишную жизнь. Быт служит для него стартовой площадкой, откуда его мысль воспаряет в космос поэтических обобщений, емких и многомерных метафор. На каких страшных в своей житейской правдивости дрожжах выросла его прекрасная поэма «Кровь и пепел» — подлинный шедевр многонациональной советской литературы. Какая в ней сокрыта сила правды, правды самого факта уничтожения фашистами всех жителей литовской

деревни Пирчюпис! Но Марцинкявичюс не довольствуется скрупулезным воспроизведением самого события, он не восстанавливает, не реставрирует его, а пытается осмыслить в более широком современном контексте, подключить к более универсальной системе ценностей, к главной теме своего творчества — теме свободы и независимости, борьбы добра и зла, принимающих в каждую эпоху, как и в каждом произведении, свое конкретное и неповторимое обличье (вспомните Белого и Черного летописца в «Миндаугасе»), но никогда не уступающих друг другу, даже если зло насильно объявляется добродетелью и насаждаются такими бесчеловечными методами, какие практиковали фашисты.

Оставаясь глубоко национальными, лучшие произведения Юстинаса Марцинкявичюса интернациональны по самой своей сути, по своему высокому гуманистическому пафосу, по своей демократической структуре, доступной и русскому, и армянину, и латышу, и украинцу. Недаром они пользуются таким огромным успехом не только у читателей, но и у зрителей нашей страны. Я уже не говорю о его драмах-поэмах, специально написанных для сцены. «Падающие звезды», «Стена», «Публицистическая поэма», «Прометей» — вот далеко не полный перечень стихов и поэм Марцинкявичюса, обретших новую жизнь на подмостках. Постановки почти всех его драм-поэм — «Мажвидас», «Миндаугас», «Собор» (режиссеры Г. Ванцявичюс и П. Гайдис), «Стены» (режиссер А. Линьня) стали событием.

По-моему, драмы-поэмы Марцинкявичюса не могут быть исчерпаны одной, даже удачной, постановкой. Они относятся к разряду тех редких, написанных нашими современниками произведений, которые предполагают разное сценическое решение. Драматургия Марцинкявичюса, кажущаяся непритворливой, традиционной, лишенной вроде бы загадок, на самом деле представляет серьезные трудности для сценического воплощения, если иметь в виду не внешний, «шекспировский» ее ряд, а ее внутреннюю пружину, ее сердцевину, которую не так просто обнажить без того, чтобы не обеднить ее смысл и не упростить ее проблематику. Ничуть не умаляя достижения режиссеров, ставивших и ставящих Марцинкявичюса, я тем не менее осмеливаюсь утверждать, что выдающийся поэт-драматург ждет еще новых своих выдающихся интерпретаторов.

Недавно Юстинас Марцинкявичюс отдал на суд своих многочисленных почитателей два новых произведения: эссе «Дневник без дат» и драму «Икар». Вместе с ранее написанной поэмой «Прометей», она составила основу нового спектакля Академического театра драмы Литовской ССР (режиссер Г. Ванцявичюс).

Покойный Стасис Красаускас, большой друг Марцинкявичюса, иллюстратор его книг, прекрасный, между прочим, карикатурист, долго бился над шаржем Юстинаса, пока не сдался.

— Понимаешь, — сказал он мне, — ничего не получается. Какой шарж, если человек состоит из одних достоинств!

● Ю. Марцинкявичюс.

Фото Ю. Грикениса.